

СОДЕРЖАНИЕ КОНФЛИКТА АСПАРА И ЛЬВА I

Накал социально-политической борьбы в середине V в., выразившийся в конфликте между Аспаром, стоявшим во главе византийских войск, и императором Львом I, выявил как позицию социальных слоев Восточной Римской империи по отношению друг к другу, так и их противоречивую связь с происходившими общественными переменами.

В исторической науке это событие обычно рассматривалось как проявление борьбы императорской власти и изурпаторской клики, противоборства римского и готского начал¹. Конечно, данные моменты в какой-то мере являлись составными частями конфликта. Однако сведение его содержания только к этим моментам представляется неправомерным. Конфликт, несомненно, отразил конкретную социально-политическую ситуацию в Византии середины — второй половины V в. Стержнем противоречий того времени являлась борьба за пути развития общества, за способы и темпы изживания или сохранения позднеримских рабовладельческих порядков и вызревания ростков новых отношений. Внешне же преобладающими казались конфессиональные конфликты. Централизация и бюрократизация порождали засилие военно-чиновных клик и усиление в известные периоды роли армии². Народные движения иногда попадали под контроль разнородных слоев господствующего класса, а вторжения варваров усугубляли запутанность обстановки.

Данная статья является попыткой выявить в этой борьбе место конфликта Аспара и Льва I.

Если рассматривать саму личность Аспара, то, думается, неудачны старания некоторых исследователей во что бы то ни стало связать его деятельность лишь с защитой «германских», «варварских» интересов. Если «варварское» происхождение Аспара бесспорно, то объявление его полководцем германской крови³, пекущемся о создании антиримского блока варваров⁴, ненаучно.

Отец Аспара, Ардабур, судя по всему, являлся преданным служакой Восточной Римской империи. В 421 г. он отличился в войне с персами, опустошив Арсанену, разбив полководца Михр-Нерсе и уничтожив семь сасанидских «вождей» (Сократ, стр. 530—531). В 425 г. Ардабур вместе с сыном Аспаром и полководцем Кандидианом были направлены Феодосием II против западноримского узурпатора Иоанна. В этой кампании Ардабур угодил в плен и лишь благодаря энергичным действиям Аспара и успеху внутренних врагов узурпатора завершил поход победой⁵.

Портрет Ардабура-отца изображен в источниках в основном позитивно⁶. Карьера Аспара как будто повторяла отцовскую. В походе против Иосанна, после казни последнего, он столкнулся с Аэцием, явившимся с гуннским войском на помощь узурпатору. Сражение не определило победителя, но обстановка продиктовала Аэцию заключить мир с Галлой Платидией, поддерживаемой Византией⁷. В начале 30-х гг. V в. Аспар командовал объединенными войсками Рима и Византии, придя на помощь Бонифацию против вандалов. Возможно, что, несмотря на поражение, он удержался в Африке вплоть до своего консулата (434г.)⁸. В 441 г., совместно с Анатолием, Аспар участвовал в походе против персов, а немногим позже — в изнурительной кампании против полчищ Аттилы⁹.

Почти все моменты военной деятельности Аспара на службе империи оцениваются источниками положительно. Иная картина наблюдается, если даже в общих чертах рассмотреть версии относительно взаимоотношений Аспаридов и императорской власти.

Наиболее раннее сообщение о трениях между императором Львом и Аспаром содержится у Приска и относится к известному спору об отношении византийского правительства к междоусобице скиров и готов (Prisc., р. 345). Однако другое место у Приска — относительно высказываний перед Аттилой византийского посла Максимиана, будто Ареобинд и Аспар не пользуются при императоре Феодосии II никаким уважением и авторитетом (Prisc., р. 322.2—5) — о противоречиях Аспаридов с императором не говорит. Во всяком случае, по прибытии в Константинополь Максимиана упрекали в этом как во лжи (Prisc., р. 321. 29—32, 322. 1—2).

Приск по-своему освещал и гибель Аспара. В отрывках Евагрия сохранилось место, где он, апеллируя к «ритору Приску», подчеркивает коварство Льва, убившего Аспара и его сыновей «как бы в награду за свое возвышение» (Prisc., р. 275.20—21, 276.1—4).

Малала отмечает, что Аспар сделал Льву много зла (Malal., р. 160.25—26). О каких-либо явных кознях Аспара по отношению к императору у Малалы сведений нет. Зато указывается, что «Лев, заподозривший патриция Аспара в стремлении к тирании, убил внутри дворца и его самого, и Ардабура, и Патрикия, его сыновей» (Malal., р. 160.30—33).

Прокопий в «Войне с вандалами» не скрывает, что он передает только слухи об интригах Аспара против Льва. В 468 г. Византия послала против вандальского королевства огромный флот под командованием шурина императора, Василиска, «человека, безмерно жаждавшего верховной власти и надеявшегося достигнуть ее без боя приобретением дружбы Аспара» (Прокопий, стр. 57). Прокопий не уверен в правдивости слухов о сговоре Аспара с Василиском, сговоре, направленном к гибели флота и падению престижа Льва,— этот момент пронизывает весь его рассказ. Гибель Аспара и Ардабура полностью отнесена Прокопием в адрес императора, подозревавшего их в посягательстве на свою жизнь (Прокопий, стр. 64—65).

Зато в версии Феодора Чтеца связь Аспара и Василиска выглядит как аксиома: командующий флотом, по совету Аспара, принял

от Гензериха взятку и погубил экспедицию (Migne PG, t. 86, pars. 1, col. 177).

У Кандида Исавра нет ни слова о заговорах Аспаридов против Льва. Кандид сообщает о «несогласиях императора и Аспара относительно Тациана и Вивиана» (Candid., p. 442. 12—15) и указывает на причину усиления взаимных подозрений императора и Ардабура: донос Зинону, зятю Льва, сделанный Мартином, *oikeios* Ардабура. Отсюда и приказание императора уничтожить Аспаридов (Candid., p. 442. 21—26).

Авторы более позднего времени, рассматривая интересный нас конфликт, совмещают в своих трудах самые противоречивые версии. Например, «Пасхальная хроника» рядом с утверждением, что Аспариды добивались тирании (Chron. Pasch., p. 596), приводит данные о позитивной деятельности Аспара: благоустройство столицы, уважительное отношение к антиохийцам в вопросе о судьбе останков Симеона Стилита (Chron. Pasch., p. 593, 593—594). В «Хронографии» Феофана инкриминирование Аспару узурпаторских намерений отсутствует, но зато приводится ценное сведение о нападении на Зинона подстрекаемых Аспаром солдат. Согласно Феофану, это обстоятельство и вызвало подозрение Льва (Феофан, стр. 92). В компиляциях Георгия Кедрина и Иоэла каких-либо ясных указаний на заговор Аспаридов также не содержится. По Иоэлу, Аспар и Ардабур были убиты из-за своего арианского вероисповедания и желания править вопреки императору (Ioel., p. 41). Как и Малала, Иоэл приводит послание Льва императору Запада, Антемию: «Я убил Аспара и Ардабура, чтобы никто мне не противодействовал» (Ioel., p. 41—42).

Зонара в своей «Сокращенной истории» явно зависел как от источников, содержащих отрицательную характеристику Аспаридов, так и от «позитивных» версий. Отсюда два варианта смерти Маркиана (или он скончался от болезни, или был отравлен по соизволению Аспара.—Zonar., p. 250. 21—24) и два варианта обстоятельств возведения Аспаром на престол Льва (или самовольно, или с согласия народа.—Zonar., p. 250. 30—32). Сам Зонара убежден в притязании Аспаридов на императорский пурпур.

Самая негативная характеристика Аспаридам дана в «Церковной истории» Никифора Каллиста: провал антивандальской экспедиции отнесен за счет чудовищного заговора Аспара, Ардабура и Василиска против императора (Migne PG, t. 147, col. 80 A); Аспариды ведут в столице активную агитацию в пользу арианства (Ibid., col 80 B) и, охваченные злобой, строят козни, из-за которых и гибнут.

Таким образом, в византийских источниках можно проследить две основные традиции, касающиеся оценки конфликта между Аспаридами и императорской властью. Одна, восходящая в Приску, Кандиду и Прокопию, придерживается в целом беспристрастного и положительного тона; другая, берущая начало у Федора Чтеца,—сугубо негативная. Интересная закономерность: если авторы, придерживающиеся первой традиции,—в основном светские лица или клирики, в той или иной мере настроенные оппозиционно к императору, то те, кто проводит версии негативного плана,—в основном церковные деятели вне оппозиции.

Почвой для появления подобных противоположных традиций являлось содержание рассматриваемого конфликта, участие в нем различных социальных групп. Связь «Аспар — варвары» выглядит в этом аспекте только как необходимый составной элемент явления и раскрывается в более сложной связи, требующей ретроспективного подхода.

В самом деле, после 400 г. позиция византийского общества к варварам, казалось бы, определилась довольно четко. Грабительские рейды по Балканскому полуострову отрядов Фритигерна и Алариха, мятеж под руководством Трибигильда и Гайны, нацеленный на захват верховной власти в Византии, оставили долгую память. Народные массы, от случая к случаю помогая варварам громить имения знати, в основном оказывали им перманентное сопротивление¹⁰. Отчаянный отпор встречали готы от населения городов: вторжения разрушали торговые коммуникации, сложившуюся систему товарно-денежных отношений и подрывали самые основы городского строя¹¹. Позиция господствующего класса была более сложной. Готы, чужеродный элемент в империи, являлись удобным инструментом для подавления социальных движений, а в условиях шаткого состояния восточноримской армии — контингентом для вспомогательных отрядов и дворцовой гвардии. Олимпиодор даже связывал с готами появление института федератов¹². Однако роль пешек не устраивала варваров; ярче всего это выявили их мятежи. Тенденция к рабовладельческим порядкам, развивавшаяся в недрах готского общества, находила в империи благоприятную почву. Варварская военно-племенная верхушка легко проникала в структуру господствующего класса империи, занимала видные посты в ее политической организации¹³. В целях ассимиляции варваров империя отводила им для поселения определенные территории, стараясь превратить готов в земледельцев-подданных. Готы сопротивлялись, предпочитая оставаться воинами и обирая население предоставляемых им земель¹⁴. Тенденция готов к превращению в военно-землевладельческое сословие за счет зависимого населения в значительной мере реализовалась на Западе. Ее победа в Византии, очевидно, означала бы реакцию, возвращение к более примитивным формам эксплуатации и общественного устройства. В результате варвары, особенно их верхушка, вступали в непримиримый конфликт с большинством господствующего класса Византии. Экономические и военные ресурсы последней позволили правящим группам в 400 г. разрешить возникшее противоречие в свою пользу. Попытка Гайны закрепиться в Константинополе была пресечена кровавыми мерами¹⁵. Победу одержала «партия», проводившая, по выражению Зеека, политику «антигерманизма»¹⁶. По мнению В. Шульце, 12 июля 400 г. «разделило германцев и византийцев навсегда»¹⁷.

Однако господствующий класс империи не мог пренебречь возможностью использовать варваров в своих целях. К тому же физическое их истребление или полное вытеснение за пределы Византии было утопией. Даже от орд Алариха правительство избавилось путем сложнейшей политической интриги, и все-таки готский элемент остался в империи. Правительство сокращало контингент варваров-федератов, ставило над ними римских военачальников, разбавляло готские объединения

лицами иноплеменного происхождения. Интенсивнее протекала ассимиляция варваров. Верность и преданность императору оценивались в V в. как главные положительные качества федерата¹⁸. Все это важно иметь в виду при изучении социальной опоры Аспаридов.

Действительно, источники отмечают, что Аспар смело полагался «на готскую силу» (Malal., p. 160. 26), что «он имел множество готов и многочисленных комесов, и прочих юношей, и держащихся их людей, которых он называл федератами и на которых отводятся федератские анноны» (Malal., p. 161. 1—4. Ср.: Chron. Pasch., p. 596—597). Именно готская дружина во главе с Острисом явилась мстить за гибель Аспаридов (Chron. Pasch., p. 597; Malal., p. 161. 4—10). Предводитель находящихся во Фракии остготов, Теодорих Страбон, брат супруги Аспара, потребовал у Византии оставленное ему Аспаром наследство и отряды, «над которыми прежде начальствовал Аспар» (Malch., p. 386. 31—32, 387. 1—3). Из приведенного сведения Малалы видно, что готские контингенты — только часть подчиненных Аспару дружин. Видимо, учитывая пестроту этих отрядов, Лев и позволил, «чтобы Теодорих предводительствовал войском, если он будет ему искренне предан» (Malch., p. 387. 5—6).

Если обратиться к уже упомянутому сообщению Приска о конфликте между императором и Аспаром по поводу войны готов и скиров, то предложение Аспара не вмешиваться в усобицу, вопреки желанию императора оказать помощь скирам (Prisc., p. 345. 16—20), вовсе не говорит о «готских симпатиях» первого. В другом месте Приск приводит подробные данные о проводимой полководцем Аспара Хелхалом тактике натравливания готских отрядов, сдавшихся ему на почетных условиях, на гуннские и о нападении самого Аспара на тех и других (Prisc., p. 348). Стремление использовать варварские элементы проявляется в такой тактике довольно четко: варвары ослаблялись в целом, а разгром некоторых готских группировок позволял поднять авторитет Аспаридов среди враждебных этим группировкам варваров. Однако такая двойственная политика настораживала известные слои господствующего класса, настроенные к варварам совершенно непримиримо.

У Аспара, несомненно, были и сторонники подобной тактики. Тенденция части варваров к трансформации в военное сословие на базе паразитического потребления прибавочного продукта византийского общества, вероятно, совпадала с похожими тенденциями в собственно восточноримской социальной среде. Происходившее после смерти Феодосия I усиление при императорах могущественных опекунов-военачальников сопровождалось ориентацией последних на относительно стабильные военно-служилые слои, ядро которых составляли их личные дружины. В тех условиях подобный процесс означал совпадение интересов некоторых римских и варварских правящих групп в вопросе усиления своего влияния путем использования этих слоев. В обстановке западной части империи (глубокий хозяйственный и политический упадок городов, выхолащивание формально-демократических элементов в системе управления, распыление экономических и военных ресурсов) социальная и политическая организация, подвергаясь нажиму военно-варварских

и поддерживающих их римских группировок, не могла противопоставить им достаточно сильной оппозиции, способной сплотиться вокруг императорской власти. Недаром Стилихон, Рицимер и Одоакр, опиравшиеся в основном на варварские дружины, были решительнее в своих действиях по сравнению с Аспаром. Очевидно, борьбой названных группировок с оппозицией частично можно объяснить различие версий и оценок конфликта, встречающихся в византийской историко-литературной традиции.

Оценки эти, по всей вероятности, складывались еще в период, предшествующий возвышению Льва. В 447 г. Ардабур-младший стал консулом. Человек незаурядной энергии, он был, пожалуй, наиболее ярким образцом «римлянина» в семействе Аспаридов¹⁹. Для самого Аспара конец 40-х гг. V в. явился решающей ступенью на пути к личному могуществу. Согласно преданию, умирающий Феодосий II «в присутствии Аспара и всех остальных сенаторов» предрек править Маркиану (Cedrg., p. 602; Chron. Pasch., p. 590). Если из этого и не следует немедленный вывод о возможном нажиме Аспара на Феодосия²⁰, то отождествление военачальника с армией в целом здесь несомненно. Существование двух версий — об избрании Маркиана императором армией и о выборе его Пульхерией, сестрой Феодосия²¹, — возможно, отражает отношение к данному событию различных правящих групп. Феофан, видимо, следуя широко распространенному рассказу о пленении Маркиана в неудачной африканской экспедиции в 431 г., отмечает, что тот был отпущен Гензерихом, едва стало известно о его близости к Аспару (Феофан, стр. 82—83. Ср.: Прокопий, стр. 36—37; Manass., p. 122—123; Zonar., p. 245. 31—32; 246. 1—12). Таким образом, роль последнего в возведении Маркиана на престол совершенно ясна. В то же время описание этого факта в источниках лишены той яркой эмоциональной окраски, что присутствует при освещении коронации Льва. Причиной тому явилась скорее всего не позиция хронистов, а изменение социально-политической обстановки во второй половине 50-х гг. V в. К этому времени роль Аспаридов в политической организации империи возросла прежде всего с качественной стороны²². При Маркиане получили достоинства патриция и сам Аспар и Ардабур-младший; последний, кроме того, приобрел звание магистра армии Востока²³. Сосредоточение высших военных постов в руках одного семейства, очевидно, явилось попыткой нарушить практиковавшуюся в Византии дробность командования армией. Качественное изменение позиций Аспаридов подчеркивает и тот факт, что к концу правления Маркиана возникают опасения по поводу возможной узурпации престола со стороны ариан. В конце 40-х гг. V в. таких опасений не было; источники фиксируют благоприятную обстановку для захвата власти Аспаридами только для 457 г.²⁴

Несомненно оценка большей или меньшей вероятности государственного переворота зависела от позиции того или иного автора. Но в мотивировке негативности подобной узурпации расхождений нет: византийцы органически не принимали возможности появления на троне человека арианского вероисповедания (Manass., p. 124; Migne PG, t. 116, col. 741 C; Migne PG, t. 147, col. 80 A; Zonar., p. 251. 20—23).

К V в. арианство было достаточно скомпрометировано перед большинством социальных групп византийского общества. Новая военная чиновная знать, использовавшая его в борьбе с куриалами за муниципальные земли, к началу V в. достигнув своих целей, сблизилась со старой сенаторской аристократией под знаменем никейства²⁵. Арианами в империи остались лишь немногочисленные, оппозиционные центральной власти слои и варвары-наемники, используемые правительством для борьбы с социальными движениями не только народных масс, но и отдельных слоев господствующего класса²⁶. В этом аспекте определенная ориентация Аспаридов на готские арианские дружины делала опасения внутри империи еще более оправданными. В избрании Льва императором проявилась воля различных слоев византийского общества. Поэтому неправдоподобен следующий тезис в актах церковных соборов в Риме времен Теодориха: «Некогда Аспару сенатом было предложено, чтоб он сам стал императором...» (MGH, AA, t. XII, p. 425). Не подтверждаемое никаким другим источником, это сообщение имело скорее пропагандистский характер для Запада и противоречит обстановке коронации Льва. Манассий пишет о возложении скипетрократии на Льва синклитом «с патрицием Аспаром» (Manass., p. 123). Зонара допускает, что Аспар «сделал императором Льва... получая дозволение народа» (Zonag., p. 250. 31—32). Нельзя забывать, что Лев был первым императором, которого короновал константинопольский патриарх. Описание коронации, наряду с акцентированием места армии в ее проведении, содержит данные о претензиях на выдвижение Льва иных слоев и институтов. В свою очередь Льва «требуется» на трон государство, и лишь затем — войска. Об избрании Льва молился двор, синклит и народ²⁷. Вероятно, это обстоятельство, наряду с прочим, выражало известную оппозицию Аспаридам со стороны церкви и некоторых светских группировок знати, консолидацию в обычное время боровшихся между собой димов и факций. Таким образом, нового императора нельзя считать просто очередным выдвиженцем Аспара, креатурой, оказавшейся, правда, достаточно ловкой, чтобы потом свалить своего покровителя.

Несомненно, беспокойство определенных кругов было вызвано политикой Аспаридов и поддерживавших их групп, направленной на создание профессионального военного сословия, которое противопоставлялось производительному населению. Сразу после коронации Льва, в 458 г., явно под давлением Аспара принимаются соответствующие постановления.

«Мы запрещаем, чтобы наши солдаты становились кондукторами чужих имуществ или прокураторами, или руководителями в делах веры, или мандаторами кондукторов,— чтобы, отойдя от военных дел, они не переходили к земледелию и не становились тягостными для соседей из-за своей надежды на воинское отличие. И пусть занимаются войной, а не частными делами...» (Cod. Just., IV, 65. 31).

В аналогичном духе выдержано и другое постановление (Cod. Just., XII, 35. 15). Кроме обязанности солдатам не заниматься «возделыванием земель, охраной животных или стяжанием, но прилагать усердие только на собственной службе», оно указывает на нетерпимость нали-

чия вакантных военных должностей и меру наказания для лиц, использующих солдата не по назначению, а также для судей, покрывающих этих лиц: по фунту золота за каждого солдата. Из указа видно, что солдат как правило использовали «как в духовных, так и в императорских или в частных владениях (*domibus*), а также в имениях (*ac possessionibus*) и на различных других должностях».

Ясно, что круг людей, не заинтересованных в сословной замкнутости военных слоев в отмеченном указом аспекте был довольно широк: это духовенство, служащие императорских и частных владений, некоторые категории землевладельцев. Уже это не могло не создать оппозиции Аспаридам. Кроме того, запрещение солдатам заниматься хозяйственными, частными делами свидетельствует о нарушении экономических интересов отдельных прослоек в армии, что не могло не вызвать недовольства.

Очевидно, данные постановления явились первым шагом стоявших за Аспаридами групп по созданию своей социальной опоры. Стремление к формированию профессионального военного сословия на византийской почве переплеталось с тенденцией к появлению подобного сословия в среде готов, что усугубляло тревогу оппозиции. Противодействие Аспаридам крепло параллельно с возрастанием их влияния (в 459 г. стал консулом второй сын Аспара, Патрикий; в 465 г. — третий сын, Эрменарих)²⁸. В 458 г., наряду с вышеупомянутыми постановлениями, вышел указ, направленный префекту претория Диоскору, о запрещении военным вмешиваться в гражданские дела. Подобное вмешательство вело к отставке от военной службы и к лишению всех привилегий (*Cod. Just.*, XII, 35. 6). Некоторая неопределенность указа свидетельствует, возможно, о недостаточной оформленности оппозиции к Аспаридам и об их весе в политической жизни конца 50-х гг. V в. Лишь в правление Зинона вышел закон, конкретно предписывающий магистрам армии по Востоку подчиняться в любом деле, даже в границах собственной должности, приговорам гражданских судей (*Cod. Just.*, I, 29. 3).

Особенно ярко выражают источники напряженность отношений между Аспаридами и ортодоксальными церковными кругами. В так называемом деле Тимофея Элур, патриарха Александрии, Аспар противостоял епископу Геннадию, «находившемуся при императоре» и ратовавшему за наказание Тимофея (Феофан, стр. 88). Аспар заступился и за епископа Сидона, Амфилохия, порицавшего халкидонское вероопределение, но осуждавшего Элур²⁹. Еще при Маркиане Аспар ходатайствовал перед императором за Феодорита Киррского (*Migne PG*, t. 83, col. 1361 D). В письме к Аспару Феодорит призывает его «не переставать умолять» императора и императрицу о созыве нового церковного собора (*Migne PG*, t. 83, col. 1364 A). Проводилась ли со стороны Аспара подобная агитация и насколько она была активна, неизвестно. Заступничество за епископа Киррского и за Амфилохия несомненно задевало их противников, сторонников халкидонского вероопределения. Возможно, указанные обстоятельства говорят об известной оппозиции Аспаридов к «халкидонской партии».

Об ориентации Аспаридов на противодействующие ортодоксальной церкви и императору силы свидетельствует факт развернутых Львом преследований ариан-экзационитов после переворота 471 г. Им запрещалось иметь свои церкви и устраивать собрания (Malal., p. 161. 12—14).

О большом влиянии арианской военной группировки на церковные дела упоминают указания римского папы Льва I на Патрикия как на своего постоянного адресата наряду с императором³⁰.

Отражение противоречий Аспаридов и ортодоксальной церкви содержится в «Житии святого Марцелла». Предание о бегстве под укрытие монастыря некоего Иоанна, зависимого человека Ардабура, о посылке последним к монастырю солдат, о заступничестве за Иоанна монахов и божественных сил (Migne PG, t. 116, col. 737 D, 740), если и не является отголоском реального события, то свидетельствует об оценке Аспаридов в церковной традиции и церковниками-современниками.

Более лапидарны сведения о взаимоотношениях Аспаридов и прочих групп господствующего класса империи. Известно о каком-то конфликте императора и Аспара относительно Тациана, префекта города в 450 г., и Вивиана, консула 463 г. и префекта претория в 469 г. По Кандиду, этот конфликт послужил толчком к решению Льва опереться на дружины исавров в противовес аспаровым федератам (Candid., p. 442. 12—15). Ясно, что Тациана и Вивиана разделяла с Аспаром вражда, о сущности которой судить трудно. О трениях Аспара с сенатом отчасти свидетельствует требование Аспара к императору назначить префектом города «его (Аспара.—А. К.) единомышленника» (Cedg., p. 607). Согласно историко-литературной традиции, Лев обещал выполнить требование, но втайне назначил префектом некоего сенатора. На упрек Аспара Лев возразил, что императору не подобает быть у кого-либо в подчинении, тем более, если это вредит государству³¹. Возможно, автор «Пасхальной хроники» не случайно приурочивает убийство Аспаридов к кануну заседания сената и специально подчеркивает, что убитые тоже были сенаторами (Chron. Pasch., p. 596). Свидетельство об открытом конфликте Аспара с сенатом по поводу провозглашения Патрикия цезарем приводит Зонара. «Это показалось ненавистным синклиту и побудило к волнению население столицы» (Zonar., p. 251. 18—20).

Однако пример Василиска, «искавшего дружбы Аспара» и уповавшего на него в деле достижения верховной власти (Прокопий, стр. 57, 61; Migne PG, t. 86, pars. 1, col. 177; Migne PG, t. 147, col. 80 A—B), и пример Анагаста, магистра армии во Фракии, поднявшего мятеж (FHG, t. IV, p. 616 b) и, возможно, связанного с Ардабуром-младшим, показывают, что Аспариды могли даже в верхушке господствующего класса опереться на известных лиц. В то же время, если среди правящих фракций и находились сторонники Аспаридов, то очень нестойкие. Василиск после неудачного похода в Африку изменил позицию; по версии Феофана, Лев ориентировался на своего шурина наряду с другими военачальниками для отпора Аспару, а когда Теодорих Страбон и Острис подступили к столице, чтобы отомстить за смерть Аспаридов, их отбросили отряды Василиска и Зинона (Феофан, стр. 93). Анагаст же, если верить Иоанну Антиохийскому, после прекращения своего мятежа

«указал на Ардабура... как на повод к тирании и послал к императору его письма» (FHG, t. IV, p. 617 a).

Что касается взаимоотношений Аспаридов и народных масс Византии, то коротко заметим, что за исключением волнения в столице по поводу провозглашения Патрикия цезарем, каких-либо примеров недовольства этим арианским семейством со стороны широких слоев населения не было. За все время пребывания Аспаридов у власти с их стороны не проводилось ни одной карательной акции против низов. Наоборот, волнение в Антиохии по поводу судьбы останков Симеона Стилита прекратилось, когда Ардабур «послал готский отряд и доставил останки святого Симеона в великую Антиохию и учредил большой храм сего мученика» (Chron. Pasch., p. 593—594). Деятельность же Аспара по тушению пожара в столице (Zonar., p. 252. 24—28) и мероприятия по ее благоустройству³², несомненно, выставляли его в выгодном свете перед константинопольцами. Это объясняет, наряду с прочим, и тот факт, что за убийство Аспаридов Лев был заклеямен прозвищем «Макел» (мясник), закрепившимся за ним в византийской традиции (Ioel., p. 41—42; Cedr., p. 607).

Слабая поддержка Аспаридов в среде господствующего класса объясняется также их явной ориентацией на высшую власть в империи. Уже отмечалось, что появление арианина на троне для византийского общества было бы не просто аномалией. Последнее сознавал и сам Аспар. В этом отношении примечательны обстоятельства, связанные с пожалованием Патрикию достоинства цезаря. Гибель большей части флота, посланного против вандалов в 468 г., безусловно, подорвала престиж Льва³³. Однако поднялись ли в итоге акции Аспара? В пользу положительного ответа вроде бы говорит согласие императора в том же году выдать свою дочь за Патрикия и предоставить ему титул цезаря. По мнению Феофана, Лев пожаловал Патрикия в цезари, «надеясь расположить к себе Аспара», «полагая, что он (Патрикий. — А. К.) отвлечет отца своего от арианской веры, и тем докажет преданность царю» (Феофан, стр. 92, 93). Согласно Кедрину, целью Льва было «вытянуть Аспара из арианской веры» (Cedr., p. 613). В «Житии святого Марцелла» все выглядит более прозаично: «Когда же надвинулась опасность и страх друг перед другом, а победа ни тому, ни другому доступна не была, оба обращаются к общим благоприятным соглашениям с тем условием, чтобы сыну Аспара, брату Ардабура, берущему себе в жены дочь императора, сделаться цезарем» (Migne PG, t. 116, col. 741 B). Однако сразу вслед за этим в Константинополе произошло выступление народных масс, слившееся с резкими протестами правящих групп и особенно церкви, против нового возвышения ариан. Собравшемуся на ипподроме народу император обещал, что Патрикий перейдет в православие, после чего толпа разошлась (Ibid., col. 744 A).

Если принять тезис, что после гибели африканского флота перевес сил был на стороне Аспара, то его поведение в указанных обстоятельствах более чем странно. Во время волнения в столице он даже не сделал попытки прибегнуть к помощи федератов. Более того, опасаясь возмущенного народа, вместе с Ардабуром он переправился в Халкидон и

укрылся в церкви Евфимия-мученика, где демонстративно отказался принять патриарха и вынудил явиться самого Льва, имевшего с ним продолжительную беседу (Migne PG, t. 147, col. 80 D). Патрикий же, после обручения с Леонтией и приобретения титула цезаря, с большой пышностью был послан в Александрию, — скорее всего из-за накаленной атмосферы в столице³⁴. Возможно, что в 469 г. федератских дружин не было в Константинополе. Весьма вероятно, что они вообще не вводились туда Аспаром за время пребывания у власти. Не случайно после гибели Аспаридов Острис во главе их дружин «подступил к городу» вместе с Теодорихом (Феофан, стр. 93). Отказ Аспара расквартировывать в столице какие-либо отряды вполне соответствует его тактике не раздражать население памятью Гайны и Трибигильда. Факты, таким образом, говорят за попытку аккомодации военной группировки к неблагоприятной политической конъюнктуре.

Ряд моментов движения 469 г. (руководство со стороны монахов, мирное протекание, совпадение его целей с целями враждебных Аспаридам правящих кругов) дает основание предполагать инспирацию этого выступления со стороны заинтересованных слоев господствующего класса. Возможно, что постановление 469 г. о недопустимости в религиозные праздники некоторых видов административной практики — сбор податей, исполнение приговоров и т. д. (Cod. Just., III, 12. 9) — косвенно свидетельствует о реакции властей на волнение в столице, способное обрушиться не только против ариан.

Отсюда мнимая уступка Льва Аспаридам, выразившаяся в даровании Патрикию достоинства цезаря и в его обручении с Леонтией, выглядит тонко задуманной провокацией в условиях пошатнувшегося после разгрома африканского флота престижа императора. Поведение Аспара в 469 г. раскрыло неустойчивость его позиции. Недаром уже в 468 г. на Западе муссировался слух, что «Аспар стал частным лицом, сын его убит, так как они разоблачены как сообщники вандалов против Римской империи» (Mign PL, t. 51, col. 390 B).

Примечательно, что именно после 469 г. между отрядами Аспара и Зинона происходит ряд стычек, причем, в результате одного заговора Зинон едва не погиб во Фракии (Феофан, стр. 92). История возвышения Зинона, носившего ранее имя Тарасокодиссы, ставшего зятем императора и консулом в 469 г., достаточно известна. Бесспорно и намерение Льва опереться на отряды исавров во главе с Зиномом в противовес дружине Аспара. Возможно, ставка на исавров как на собственно восточноримские элементы, в отличие от готов, не имевших тенденции к военно-сословной оторванности от земледелия³⁵, отражала ориентацию Льва на слои феодализирующейся знати, чьи интересы были объективно связаны с автократией. Вероятно, из исавров были набраны экскувиты, формирование которых Иоанн Лид приписывает Льву³⁶. Во всяком случае, Малала и автор «Пасхальной хроники» изображают экскувитов как силу, нанесшую поражение готским отрядам Остриса (Chron. Pasch., p. 597; Malal., p. 166. 6—7). Примечательно и то, что консульство Зинона в 469 г. было отмечено рядом постановлений в пользу гражданских властей, в том числе — о повышении роли в общест-

венной жизни александрийских юристов (Cod. Just., I, 57. 1) и о большей гибкости в управленческой практике курий и коллегий городов, где позитивные нововведения могли приобрести форму «постоянного закона» (Cod. Just., VIII, 52. 3). Чрезвычайно ярко противопоставляет гражданские власти военным указ, подчеркивающий роль в общественной жизни империи адвокатов, которые «не меньше заботятся о человеческом роде, чем если бы спасали в сражениях и ценою своих ран отечество и родителей». «Мы уверены, что за нашу империю сражаются не только те, которые сверкают мечами, щитами и панцирями, но также адвокаты, ибо они борются за дело патрона, защищают надежду, жизнь и потомство» (Cod. Just., II, 7. 14). Таким образом, в 469 г. противодействие военным группировкам косвенно отразилось как в идеологической, так и в правовой сфере.

Отмеченные обстоятельства позволяют сделать вывод, что в конце 60-х гг. V в. Аспариды уже не располагали достаточной опорой, чтобы успешно бороться с оппозицией, их положение в политической системе Византии стало довольно шатким. Волнение в Константинополе в 469 г. показало, что против них выступают широкие социальные слои. В таких условиях прибегнуть к помощи федератов означало для Аспара повторение событий 400 г. То, что падение Аспаридов и их «партии» не произошло в 469 г., можно объяснить неполной консолидацией сил, необходимых оппозиции. В целом широкие массы населения относились к конфликту нейтрально: в 469 г. Аспаридам еще представлялось возможным использовать для разгрома внезапно вторгшихся гуннов.

Развязка наступила в 471 г. Марцеллин Комит приписывает убийство Аспара и его сыновей евнухам (MGH, AA, t. XI, pars 2, p. 90. 14—16), Иордан — Зинону (MGH, AA, t. V, pars 1, p. 43.25—26). Последнюю версию развивает до натуралистических подробностей Никифор Каллист (Migne PG, t. 147, col. 81 A). Однако более правдоподобно сообщение Феофана: Зинов находился в Халкидоне, ожидая смерти Аспара, и своевременно явился к Константинополю с отрядами, чтобы вместе с Василиском нейтрализовать запоздалое выступление федератов (Феофан, стр. 93)³⁷.

Устранение арианской военной группировки позволило центральной власти и верхушке православного духовенства развернуть гонения на оппозиционные силы (Malal., p. 161.12—14). Часть служивших Аспару федератов, в основном варварская, удалась во Фракию (Chron. Pasch., p. 597; Malal., p. 161.7—10), часть перешла к Теодориху Страбону (Malch., p. 387.1—6). В социальной структуре империи, в ее войсках большой вес приобрели исавры во главе с Зиномом.

«Варварский вопрос», следовательно, не являлся определяющим в конфликте, хотя и играл значительную роль. Готская опасность, качественно уменьшенная событиями 400 г., грозила Византии лишь постольку, поскольку Аспариды в известной мере ориентировались на включенный в их дружины готский элемент. Только в этом смысле конфликт стоит в рамках «готской проблемы» в Византии. В основе конфликта лежала борьба собственно византийских правящих группировок. Победа тех из них, что стояли за Аспаридами, могла бы в перс-

пективе привести к формированию военно-служилой знати, сходной по своему положению со знатью варварских королевств западного Средиземноморья, и следовательно, к известной деформации политической и социальной структуры империи, что сказалось бы на темпах разложения старых и вызревания новых общественных отношений.

Аспара на Востоке постигла такая же судьба, как Стилихона на Западе. Трудно судить, насколько справедливо инкриминирование ему стремления к узурпации. По крайней мере, выдвижение Патрикия показало, что мысли об основании новой династии не были ему чужды. Однако в целом политическая деятельность Аспара противоречит представлениям о ней как об «антиримской». Добросовестная военная служба, стремление достигнуть личного могущества в основном «законными» мерами, попытки наладить контакт с большинством правящих групп и не раздражать народные массы,— все говорит о том, что политика Аспаридов была довольно умелой и гибкой. Другое дело, что борьба военно-арианской группировки со сплотившимися вокруг Льва силами отражала борьбу различных тенденций в социальном развитии Византии на пути к ее феодализации, причем «партия Аспара» занимала гораздо более консервативную позицию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр. Ю. Кулаковский. История Византии, т. I (395—518). Киев, 1913, стр. 375; К. Н. Успенский. История Византийской империи, ч. I. М., 1914, стр. 135; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I. СПб, 1913, стр. 285, 330; М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 40—42; J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, v. I. L., 1931, p. 316; W. Ensslin. Theoderich der Grosse. München, 1947, S. 37; A. H. M. Jones. The Decline of the Ancient World. L., 1966, p. 82. F. Lot. La fin du monde antique et le debut du moyen age. P., 1927, p. 254; G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 50—51; S. Runciman. Byzantine civilisation. L., 1933, p. 33; O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, Bd. VI. Stuttgart, 1920, S. 353, 357—358. В качестве справочной статьи см.: Seeck. Aspar, Flavius Ardabur.—RE, Bd. II. Stuttgart, 1896, S. 607—610.

² По мнению А. Джонса, конфликт Аспара и Льва являлся элементом «спонтанной военной революции», вознесшей на трон Фоку (A. H. M. Jones. Decline of the Ancient World, p. 133).

³ Candid., p. 451. 5—6: “hos ên 'Alanôs mên génos”.

⁴ См., напр.: Seeck. Aspar..., S. 607, 609; Его же. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. S. 355—356.

⁵ W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968, p. 21—22.

⁶ Для источников характерна путаница в употреблении имен Аспаридов в сопоставлении с некоторыми событиями. Например, Прокопий ошибочно называет Ардабура, направленного против Иоанна, сыном Аспара (Прокопий, стр. 26). Непонятно, о каком Ардабуре идет речь в «Житии святого Марцелла». Так как этот Ардабур, негативный герой одной из глав, полностью вытесняет Аспара на второй план (Migne PG, t. 116, col. 737, D, 740), можно думать, что речь идет об Ардабуре-отце. Но этому Ардабур Марцелл предрекает погибнуть вместе с Аспаром (Ibid., col. 741 A), что и осуществляется. Налицо ошибочная версия, имеющая место и в «Церковной истории» Никифора Каллиста: здесь Ардабур-старший действует рядом с Аспаром и гибнет вместе с ним (Migne PG, t. 147, col. 80, 81 A).

⁷ W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome, p. 23.

⁸ O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, S. 114.

⁹ Seeck. Aspar..., S. 608.

¹⁰ В. Т. Сиротенко. Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV—V вв.—«Уч. зап. Пермск. ун-та. Сер. историч.», 1966, № 143, стр. 58.

¹¹ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии.—ВВ, т. 8, 1956.

¹² Olympe, p. 452. 14—17. О федератах-варварах см.: L. Várgady. Későrómai hadügyek és tarsadalmi alapjaik A Rómani birodalom utolsó évszázada (376—476). Budapest, 1961, p. 39—48.

¹³ M. Waas. Germanen im römischen Dienst im 4. Jh. n. Chr. Bonn, 1965, S. 28. f.

¹⁴ См., напр.: Malch., p. 387. 9—20; 399. 28—31; 402. 8—15; 405. 18—26; 407. 25—29; 408. 20—24; 409. 30—32; 410. 1—9.

¹⁵ E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire Romain. 395—410. Essai sur le gouvernement imperial. P., 1951, p. 256—262; A. Güldenpennig. Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885, S. 125—131; Seeck. Gainas.—RE, Bd. VII. Stuttgart, 1912, S. 487.

¹⁶ O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, S. 314—334.

¹⁷ См.: V. Schultze. Altchristliche Städte und Landschaften. I. Konstantinopel (324—450). Leipzig, 1923, S. 110.

¹⁸ O. Fiebiger, L. Schmidt. Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Wien, 1917, S. 129—131.

¹⁹ О его образе жизни см.: Prisc., p. 331. 0—32; 332. 1—7.

²⁰ Ср.: S. Runciman. Byzantine civilisation, p. 63.

²¹ Ср.: Феофан, стр. 81; Migne PG, t. 86, pars. 1, col. 165 D, 168 A.

²² О месте Аспаридов в сановных кругах империи см.: G. Sievers. Studien zur Geschichte der römischen Kaiser. B., 1870, S. 435.

²³ Ibid., S. 485.

²⁴ Относительно 457 г. имеются замечания об Аспаре типа: он «не мог сам достигнуть верховной власти, но был в такой силе, что мог возвести на престол другого» (Прокопий, стр. 57), «не взял императорскую власть от народа столицы» и «поэтому сделал императором Льва» (Zonar., p. 250. 27—30). Применительно ко времени возведения на престол Маркиана подобных замечаний нет.

²⁵ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). ЛГУ, 1962, стр. 194.

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Проблема социально-политической сущности арианства.—В кн.: Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района. Историч. науки. Свердловск, 1963, стр. 180—181.

²⁷ Ю. Кулаковский. История Византии, стр. 352.

²⁸ Seeck. Aspar..., S. 608.

²⁹ Ю. Кулаковский. История Византии, стр. 359.

³⁰ Migne PL, t. 153, col. 1120—1123. Письма папы подчеркивают роль Патрикия именно в конфессиональных вопросах. Говорить в этом аспекте о «соправительстве» сына Аспара с императором было бы натяжкой. Ср.: Ю. Кулаковский. История Византии, стр. 360; Seeck. Aspar..., S. 608.

³¹ В других версиях (Manass., p. 125; Zonar., p. 251. 9—15) Лев нарушил данное Аспару по воцелении на престол обещание сделать цезарем Патрикия.

³² О постройке Аспаром в столице большой цистерны см.: Chron. Pasch., p. 593; MGH, AA, t. XI, pars 2, p. 87.

³³ Справедлива точка зрения Э. Штейна, выступившего против тезиса О. Зеека о «вандалофильских» настроениях Аспара. «Ничего не дает оснований его твердую политику мира в отношении вандалов приписывать эгоистичным, враждебным государству мотивам».—E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. I. Vom römischen zum byzantinischen Staate (284—476 N. Chr.). Wien, 1928, S. 529, 532.

³⁴ O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, S. 369.

³⁵ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в.—В кн.: История Византии, т. I. М., 1967, стр. 208.

³⁶ Ioannis Lidi de magistratibus populi Romani libri tres, ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1913, p. 21. 10—13.

³⁷ Версия «Жития Даниила Стилита» пребывание Зенона в Халкидоне связывает с его поражением и бегством от бунтовавших во Фракии варваров (Analecta Bollandina, t. XXXII, fasc. II et III, Bruxelles—Paris, 1913, p. 184. 9—11, 20). Согласно «Житию», эти волнения тесно связаны с восстанием, поднятым «против благочестивейшего императора Льва» Аспаром и детьми его» (Ibid., p. 185, 1—3).